

Ревякина Анна. Злой Добрый Шубин. — СПб. : Лира, 2026. — 288 с.

ПОЭТЕССА Анна Ревякина не заставила своих читателей долго ждать после необычной повести "Последний доктор". И вот вышла в свет вторая книга прозы, обозначенная как фолк-роман, — "Злой Добрый Шубин".

Сразу бросается в глаза, что у Ревякиной язык становится и памятью, и мифом, и живой речью. Она не изменяет себе в прозе, расширяя пространство для своего голоса. И именно им автор рассказывает о природе донбасского человека.

Центральный персонаж произведения — Шубин. Дух, помогающий шахтёрам. Образ, который растёт вместе с героями в каждой главе.

Поэтесса честно признаётся, что хотела "до-тянуться до большего количества людей", — и проза действительно делает своё дело.

ПОНАЧАЛУ Я совершенно не был готов к чтению такого серьёзного романа: внутренне понимал, что могу не осилить тему. Однако я преодолел себя и уже после первых глав взахлёб прочёл все оставшиеся. Как и лирика Ревякиной, её проза наполняет душу переживаниями и любовью к людям, доказывая, что самое важное в мире — человечность.

"Злой Добрый Шубин" также дополнен прекрасными иллюстрациями художника Марата Магасумова, которые идеально отражают написанное и создают какое-то уютное настроение. А на обложке изображена картина из личной коллекции автора — "Канареечка так жалобно поёт" работы Владимира Шенделя — заслуженного художника УССР, который родился в 1936

ДУХ ДОНБАССА

"В первые годы освоения наших благословенных земель никто ни о каком Шубине слыхом не слыхивал, ни в какую мистику не впадал. А потом народ стал поговаривать, что на одной из шахт завелось чудische, которое человеческим глазом не увидеть, но коты его чувят, и собаки чувят, и лошадки чувят, и даже канареечки, которые заботишки с собою в шахту берут".

Ревякина без глянца и романтизации описывает тяжёлый и изнуряющий шахтёрский труд. Спуск в шахту становится не просто работой, а своего рода "медитацией на смерть", ежедневным испытанием на прочность, но именно в этом непростом и жестоком мире рождается поэтика, которой наполняются донбасский быт, разговорная речь, местные словечки, шум дворов.

Роман написан музыкальным, стилизованным языком, и текст действительно "поёт" — в нём слышны интонации русского сказа, семейных историй, и эта напевность создаёт парадоксальный эффект: даже самые жёсткие эпизоды воспринимаются не как тяжёлые, а как глубокие, образуя, так сказать, общий ритм жизни.

Степан БИРЮКОВ

Базанов Пётр. Защита единства России: жизнь и творчество историка Николая Ульянова. — СПб. : Росток, 2025. — 688 с.

МОНОГРАФИЯ доктора исторических наук Петра Николаевича Базанова, посвящённая известному историку и публицисту Николаю Ивановичу Ульянову (1904–1985), написана в лучших традициях петербургской исторической школы и читается с неослабевающим интересом. Во многом это обусловлено тем, что Пётр Николаевич более 30 лет изучает жизнь и творчество Ульянова, являясь на сегодняшний день крупнейшим российским биографом этого учёного. Впечатляет и колоссальный объём информации, сконцентрированной в книге. Автор использует документы отечественных и зарубежных архивов, свободно ориентируется в редких и малотиражных изданиях русской эмиграции, блестяще знает публикации работ Ульянова в постсоветской России,

привлекательность. Иллюстрированные журналы вроде "Лайфа", полные мерзких рожей, фигур и сцен, но преподносят их под знаком эстетики". Ульянов видел, как антиэстетика навязывается уже с самого раннего детства: "Прежде дарили детям к празднику коней, зайчиков, Мишек-медведей; новая эстетика подносит им в подарок змей, жаб, лягушек, динозавров, пресмыкающихся всех родов. Они не стилизованные, а поданы во всей натуральной гадливости. Всё делается для изгнания из мира прекрасного и для замены его уродством. Современное искусство — великолепная иллюстрация к этой теме".

ПРОГНОЗЫ УЛЬЯНОВА пессимистичны: "Мы — последнее поколение, способное чувствовать ужас надвигающегося конца. Следующие за нами будут гибнуть, но не будут знать, что гибнут. Конец мира станет для них бытовым явлением"; "Современная политика — единственный в мировой истории образец добровольного разоружения сильного перед слабым, высшего перед низшим, культурного

РУССКОЕ ДЕЛО

где его тексты перепечатывались на страницах таких журналов, как "Вече", "Молодая гвардия", "Москва", "Родина", "Роман-газета", "Россия XXI" и "Слово". О трудах и взглядах Ульянова упоминали историки, писатели, литературоведы и общественные деятели: В.Э. Багдасарян, В.Г. Бондаренко, В.С. Брачёв, Г.В. Вернадский, Г.К. Гинс, Н.О. Лосский и др.

Наиболее известным исследованием Николая Ивановича Ульянова, несомненно, является труд "Происхождение украинского сепаратизма". П.Н. Базанов цитирует слова полковника Евгения Филипповича Морозова (1948–2017): "Воистину поражает научный подвиг, совершённый человеком в одиночку... Ульянов, пламенный фанатик исторической науки и исторической истины, сумел вскрыть корни украинства и проследить шаг за шагом этапы его становления". Неслучайно эта работа Ульянова в 2018 году была внесена Государственным комитетом телевидения и радиовещания Украины в официальный список книг, запрещённых в "незалежности".

Личность и творчество Ульянова многогранны, что прекрасно показано в книге. Историк, культуролог, писатель и публицист, он критиковал многое из того, что было частью западного мира, и его слова не потеряли актуальности в наши дни: "Прилагаются неимоверные усилия, чтобы красивую женщину сделать уродом и выдать ей первый приз за

перед варваром. Мы живём в летаргическом сне, видим, как нас кладут в гроб, зاریвают на землю, но не можем ни пальцем пошевелить, ни слова вымолвить"; "Мы живём в эпоху заката того либерально-политического комплекса идей, что довел над умами последние двести лет. От этих идей остались одни термины — подобия высохших мумий". Эти размышления Ульянова перекликаются с впечатлениями от США другого представителя русского зарубежья, генеалога Л.М. Савёлова: "Поражает общая невоспитанность и, я бы сказал, некультурность, все помешаны на технике и долларе, остальное их не интересует. Недавно одного преподавателя средней школы спросили о каком-то из южноамериканских государств, так он не мог ответить, где оно находится, а он был преподавателем географии; среднее образование поставлено отвратительно, выходят неучи, но зато они хорошо знакомы с футболом и ещё какими-то болами..."

Труд П.Н. Базанова крайне необходим в сегодняшней России, и символично, что именно петербургский историк написал фундаментальную монографию о мыслителе, судьба и патристическое мировоззрение которого были сформированы особенностями культурной и научной жизни Северной столицы.

Александр РЕПНИКОВ

Семашков Ричард. Пойдём поговорим. Откровения человека в лагере иноагентов. — М. : АСТ : редакция "КПД", 2026. — 256 с.

ИДЁТ третий, четвёртый, пятый год СВО, а люди продолжают замечать, что в нашей культурной сфере мало что меняется. Вернее, меняется, но не всегда в ту сторону, а если и в ту, то очень медленно, будто нехотя, в режиме несмазанной телеги, у которой вот-вот отвалится колесо.

Отвалившееся колесо — хороший повод. На это обстоятельство можно многое списать: застой, пробуксовку.

Культура боится меняться. Опасения в какой-то мере оправданны.

Дело в том, что изменения сейчас ассоциируются с закручиванием гаек. Мол, восторжествует стиль культурной политики: не пущать и запретить. Ведь свобода и воляница в нашем восприятии прочно связаны с демократическим и либеральным выбором, а они, в свою очередь, — с западоцентризмом. Всё это прописано в концепции екатеринбургского "Ельцин Центра". Там семь дней творения современной России венчаются огромными и пустынным Залом Свободы, где одно время с экранов будущие иноагенты и прочие вещали о прелесть демократии.

Стереотипы говорят о том, что если мы окончательно свернём с пути демократии (то есть самоотжест-

тория приложения их сил и энергии. Страсть здесь подкреплена знанием о том, что через агрессивные внушения можно целую сверхдержаву довести до самоубийства.

Не стоит забывать, что, например, тот же украинский Зеленский — производное культурного выверта, доведённого до фанатично-людоедских форм. Не случайно, что в первый год СВО предатель, иноагент и экстремист Быков написал его елеиную биографию и до сих пор бесконечно восхищается им. Он его герой. И это понятно: в образе украинского деспота как раз и предстала нежить, выведенная в кокон той самой паутины.

Биография упыря вполне встраивается в контекст культурной перделки, с её позиций понимается и принимается. И, конечно, для закрепления материала должен быть ещё третий проводник: так статусный литератор со страниц официального газетного рупора предложил читать все эти быковские вытанцовки вокруг людоеда и дискутировать с ними. Для чего? Понятно же, для создания устойчивого восприятия: хоть и спорно, но ценно. Всё для пролонгации сакрального статуса паутины, которая может играть оттенками, но, в сущности, остаётся неизменной.

Необходим же иной подход: десакрализация и реализм. Надо сказать очевидное: король голый, а рядом — свинные рыла вместо лиц, как в финале гоголевского "Ревизора". Показать, что был морок и выделось что-то иное и миражное. Надо говорить про хладное подобие культуры, которая ничего не замечает, ни о чём не говорит, а

ИХ МЫШИНАЯ СУТЬ...

вления с Западом, который страстно любим догонять, сокрушаясь, что от него отстали), то, хочешь не хочешь, придётся крутить те самые гайки, хвататься за дубину ханжества и кутаться в одежды пуризма.

Такое ощущение, что за этой опозицией мы не видим альтернативы. Поэтому и мечемся, выбирая из двух зол, поэтому и происходящее в культурной сфере очень похоже на нечто, если не откровенно шизофреническое, то неистово истерическое уж точно.

Но альтернатива есть: отечественная суверенная культура, её новое открытие, построение через избавление от идеологических стереотипов, отменяющих её, ставящих на неё клеймо бесперспективности и отсталости. Культура не замкнута, а любовно распахнута вовне. Культура, не избегающая любой новизны, но авангардная и в то же время связанная с традиционным.

Просто нужно вспомнить завет Заратустры Ницше о том, что "ни один народ не мог бы жить, не сделав сперва оценки: если хочет он сохранить себя". И при этом он "не должен оценивать так, как оценивает сосед". Практически этими же словами в своё время описывал происходящее в стране и Эдуард Лимонов. Надо ли говорить, что в постсоветской реальности у нас было всё наоборот, что мы оценивали себя лишь с позиций условного соседа, смотрели на себя сквозь его оптику, соотносили себя с его системой ценностей, подменяя всё своё.

Отсюда и культурная сфера покрывалась у нас своеобразной паутиной: чужими догмами, предрассудками, оптикой восприятия. Её дело — деконструкция отечественного, изменение цивилизационной сущности. Что-то отменить, что-то переписать, где-то сместить акценты или попросту обманет, а в другом месте фантазии выдст за реальность.

Эта паутина и управляла у нас культурной сферой, выстраивая систему подмен и обречая на отчуждение от всего своего. Хотя, отчего же в прошедшем времени? Каких-то принципиальных структурных изменений не произошло. Просто занесли декорации, они отслужат своё, их заменят другими, хоть и отменяющими предыдущие.

Показательно, что многие из прежних властителей дум дружным строем пошли в стан иноагентов. Слово, система образов, смыслов, идеологем — приоритетная терри-

только делает вид и становится в позу. Надо по слогам произнести слово: интервенция. У него отрезвляющее действие. Повторить и запомнить. А если слова мало, то можно позаимствовать образы голливудской фантастики, где чужой инопланетный паразит присасывается к телу, начинает управлять поступками, мыслями, полностью подчиняет его себе, а затем убивает.

Такие эмоции возникли при чтении сборника публицистики "Пойдём поговорим" питерского музыканта и литератора Ричарда Семашкова.

ПАУТИНА. Семашков нещадно рвёт её руками, безжалостно и с юмором выбрасывает хлам, проветривает помещение. Слишком долго мы дышали этой пылью, внимали глупостям, которые распространяли здесь оготелые стратегии чужого — мастера выверта и подлога, трудящиеся на ниве демократических ценностей и либеральных теорий, призванные исполнить перестроечное задание: изменить историческую сущность России, переписать её, вывернуть наизнанку, выпотрошить и лишить всех суверенных черт. Ну хорошо: кошкошники, лапти и балааечных медведей готовы были оставить для колорита.

С иноагентским нарративом в области кино, музыки, литературы Семашков не дискутирует, а показывает его абсурдность. Дискуссия — это попытка принятия аргументов оппонента. Но в данном случае, к сожалению, нет ни аргументов, ни оппонентов. Не принимай же за таковых ретрансляторов вполне понятной идеологии и конъюнктуры, пропагандистов чужого и отмены своего. С таким же успехом можно и со "службой безопасности банка" попытаться коммуницировать и скинуть ей требуемые коды.

С ними не надо серьёзно, тогда сами себе изобичат и покажут свою смехотворность и глупость. Семашков так и играет со всей этой публикой, как с мышатами. Те что-то пицят, в панике бегают из стороны в сторону. Он же поддевает их за хвостики и предьявляет их мышиную суть. И ведь действительно, что с нами было, какое омрачение приключилось, когда принимали их за кого-то другого?

Впрочем, вывести на чистую воду всех этих бывших властителей дум, а ныне смехотворных и злоязыких, — полдела. Надо показать настоящее, альтернативу.

Она есть и была. Её просто надо собрать и считать послание. Нужно воспринять отечественную культуру

в её цельности. И тут мы увидим, что очень многое вершинное было создано, например, в советские годы, что мы до сих пор пользуемся тем наследием, даже если отвергаем его или пытаемся исчерпать очередными карикатурами.

"Мы имеем под боком огромный сундук с сокровищами — его десятилетиями наполняли очень талантливые и пассионарные люди; из сундука идёт свечение, как из тарантинского чемодана", — это Ричард Семашков пишет о советском кинематографе. Выхаживание касается и других сфер культуры, где многое было забыто, вымарано либеральным культурным диктатом или осмеяно: в каких-то случаях достаточно буквы переставить, или биографию подправить, или придумать её, как в случае с Маяковским и Есениным, чтобы создать необходимое восприятие.

Вся постсоветская культура преимущественно строилась на отрицании советского и мифотворчестве вокруг него. Тот же иноагент Быков занимается только тем, что гордится частокл своих мифологем да слагает страшные сказки. Но без советского он ничего не стоит. С другой стороны, все лучшие современные достижения культуры так или иначе сопряжены с советским, которое является прямым мостиком к тысячелетнему отечественному культурному наследию. Советское здесь — не идеологический, а культурно-исторический феномен, пересобиравший цивилизацию.

Вспоминается перестроечная тенденция возвращения. Возвращённая литература, культура. Сейчас понят-

но, что нам необходимо не возвращение впасть, не укрытие в бронезилетте прошлого, а новое открытие себя. Избавление от кривых зеркал, от скомоорошых рожей, которые к нам приклеили. Мы очень плохо знаем себя, своё. Как это ни странно, но у нас серьёзные проблемы с памятью. Та же история Великой Отечественной показала, что её надо защищать и порою защита становится не менее напряжённой и драматичной, нежели сама битва. Это же касается и сферы культуры. Так получилось, что нам, погружённым в беспомощность, можно было внушать всё что угодно. Это и стало плодотворной почвой для постсоветской культурной политики выверта и отмены.

НАДО ПОПЫТАТЬСЯ заново открыть себя. Понять, кто мы, для чего и куда идём. Надо собрать себя из разрозненных осколков и взглянуться в зеркало, тем самым преодолевая затяжную уособицу.

Послание Семашкова, как мне кажется, в этом и состоит. Человеку родом из распадного года можно доверять. Он пошёл против общего потока и инерции, он себя собрал. Как? Загадка. Может, месяц младенческой жизни в большой стране сыграл свою роль, и она ему что-то шепнула сокровенное. Но это только версия. Разгадка — в его книге, в предложенном разговоре, где автор о многом говорит, многое замечает. В том числе и то, что "никогда литературная тусовочка не будет отражать чаяния народа, жизнь русского солдата, прорусскую идеологию". И понятно отчего: видете ли, ДНК у народа не та, порченный человеческий материал. Не то что у правилных и пропитанных необходимыми культурными кодами — то есть паутиной. Не слышали ничего про либеральный фашизм и человеческую сегрегацию, которая у нас тут была практически свидетельством хорошего тона?

В эту тусовочку мы сейчас и упёрлись. Поэтому идёт очередной год войны, а культурная телега всё скрипит, но никуда не едет. Она надеется всё переждать, чтобы затем продолжать плести свою паутину. И расквитаться, конечно, с обидчиками. Это она умеет.

Не планировал заранее, но книга Ричарда Семашкова оказалась у меня на книжной полке рядом с прилгинским сборником "Я пришёл из России". Хорошо вписалась. Что-то да значит это сочетание.

Андрей РУДАЛЁВ

СНЫ ПЕССИМИСТА

Зейхан Питер. Конец мира — это только начало. Экономика после краха глобализации. — М. : Альпина Паблишер, 2025. — 656 с.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ секта свидетелей восхода солнца на Западе появилась не вчера и, похоже, исчезнет ещё не завтра, хотя мировое лидерство западной (изначально — европейской) цивилизации, дивившееся более пяти веков, со времён падения Константинополя и открытия Америки, сейчас исчезает буквально на наших глазах. Причём в самом полном своём выражении — либерал-глобалистского "однополярного мира" Рах Americana, триумф которого как "конец истории" в 1989 году с помпой провозгласил американский политолог Фрэнсис Фукуяма: мол, теперь вопрос о лучшей модели устройства общества решён окончательно и навсегда, а потому всем политическим противоречиям с войнами предстоит исчезнуть и больше не мешать прогрессу человечества. В моде этот нарратив оставался до начала натовских "гуманитарных бомбардировок" Югославии 1999 года, после чего стало ясно: реальная история движется иным путём. Но то, что примерно четверть века назад Фрэнсисом Фукуямой рисовалось как закономерный пролог прекрасного будущего, другой амери-

канский политолог, Питер Зейхан, рисует уже как прекрасное, идеальное и недостижимое прошлое. И его продвигают в качестве автора "мирового бестселлера", его "книгу от Нострадамуса XXI века" издают массовыми тиражами в переводах на другие языки, включая и русский, — налаженная машина глобальной пропаганды продолжает работать даже тогда, когда ей приходится вести речь о "крахе глобализации". Правда, оригинал этой книги, разделённой на шесть разделов: "Транспорт", "Финансы", "Энергия", "Промышленные материалы", "Промышленное производство" и "Сельское хозяйство" (что показательно, такие разделы как "Связь", "Космос" или "Искусственный интеллект" там отсутствуют в принципе, но что поделать: других "нострадамусов" у глобалистов для нас нет), судя по всему, писался в основном ещё до начала российской Специальной военной операции по демилитаризации и денацификации Украины, а потом последовала ещё и американо-израильская агрессия против Ирана — события, которые прямо противоречат концепции Питера Зейхана о роли Америки в мире и её перспективах "после глобализации": "Мы застали краткий миг блаженства... Последние несколько десятилетий были лучшим временем для человечества. Граждане стран — членов альянса (НАТО. — Авт.) могли ездить куда угодно и когда угодно, участвуя в любых производственных цепочках и имея доступ к

любим материальным ресурсам без необходимости военной защиты. В борьбе масла и пушек победило масло, и мы получили то, что сегодня называем свободной торговлей. Мы получили глобализацию... Главный двигатель мирового прогресса — послевоенный американский миропорядок. С 1945 года мир проживал свои лучшие годы. Лучше уже не будет... Жизнь замедлится. Станет хуже... Ни одна из известных нам экономических систем не сумеет устоять перед лицом такого будущего". И главная причина "потерянного рая глобализации", по Зейхану, — в том, что американцы отказались от роли глобального лидера, предпочитая решать свои внутренние проблемы. Но с Америкой всё будет хорошо, во всяком случае — лучше, чем с другими странами мира: "Не столько вопреки, сколько благодаря глобальным пертурбациям и деградации США в значительной степени сумеют избежать катастрофы. В прошлом американцам удавалось выживать и процветать, потому что благодаря географическому положению страны они отделены от остального мира, а население Америки намного моложе населения других стран. По той же причине Штаты выживают и процветают сегодня — и выживут и будут процветать в будущем. Американцы, увлечённые мелкими внутренними разборками, даже не замечают, что всему остальному миру пришёл конец... В наступающем веке раз-

рыв между Северной Америкой и большинством стран мира станет ещё более заметным".

Как говорится, "свежо предание". Воспеваемые таким образом американцы, якобы неизменно самодостаточные и полные сил (кастати, средний возраст населения США в 2025 году составил 38,5 лет, в то время как населения мира — 30,9 лет, так что здесь "нострадамус" неточен), успели уже в полной мере ощутить и последствия своей помощи киевскому неонацистскому режиму Зеленского и К* (исчерпание запасов вооружений), и последствия "торговой войны" с Китаем (дефицит редкоземельных металлов), и последствия блокады Ормузского пролива (рост цен на энергоносители). А тот же Китай, которому Питер Зейхан в 2012 году, как раз накануне выхода "красного дракона" КНР на первое место в мире по показателю паритета покупательной способности ВВП, предрекал неизбежный крах его якобы "экспорториентированной" экономики (на деле даже номинальный ВВП КНР-2012 составлял 8,23 трлн долл. (ВВП ППС — 15,2 трлн долл.), а экспорт — 2,05 трлн долл., меньше 25%) и ныне продолжает обгоняющий США рост в экономике и технологиях. Но интеллектуальный потенциал современной "глобалистской" мысли необходимо знать, и в этом отношении книга Питера Зейхана, которую, по аналогии с известным западным курсом "рыночной экономики", получившим название "Экономикс", можно назвать попыткой создания своего рода "Геополитикс" как курса "рыночной геополитики", конечно, заслуживает прочтения.

Николай КОНЬКОВ

Глобалистский проект вошёл в штопор. Фрагмент американского киноплаката 70-х годов XX века.